

К ПРОБЛЕМЕ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ПОЭТА НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА»

Леонтьева Наталья Анатольевна,
*студентка второго курса,
направление подготовки
«Филология (русский язык)»
ВИ-ШРМИ ДВФУ*

Данная исследовательская работа определена проблемой трагической судьбы поэта. Кратко рассматривается понятие судьбы, приводится попытка выяснить причину трагического в судьбе поэта и определить его место в обществе. Все названные гипотезы затем на практике соотносятся с судьбой одного из самых загадочных русских поэтов М.Ю. Лермонтова. Его стихотворение «Смерть поэта» – ключевая и отправная точка аналитической работы. Стихотворение взято в качестве материала для анализа. Оно уникально тем, что в сущности своей, будучи на первый взгляд эпитафией, выражает не только живой и искренний отклик на судьбу соратника по перу, но и чётко обрисовывает характер самого Лермонтова.

Так же выбор текста исследователя обусловлен целью определить восприятие такого понятия, как «судьба поэта» М.Ю. Лермонтовым. Судьба – это абстрактная категория философских изысканий, и, вступая на эту зыбкую, беспокойную почву, необходимо признать, что рассуждение о том, что же такое судьба поэта, в некоторой степени относится к разряду субъективной философии, посему в этой работе субъективизма избежать будет нелегко.

Автор предпринимает попытку провести анализ судьбы поэта, не отрываясь от исторического, социального и биографического контекстов. Они служат дополнительными штрихами, ни в коей мере не определяя полностью характер

поэтической судьбы. Обращаясь к проблеме трагической судьбы поэта, следует, прежде всего, пристальнее рассмотреть это ставшее уже почти идиоматическим сочетание слов, заглянуть в его суть.

Никто не скажет о поэте лучше, чем поэт. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь пишет, что поэты – «передовые вестники сил» народа, «огни из него же излетевшие», и это чрезвычайно меткое определение призвано подчеркнуть непохожесть поэта на окружение, он всегда немного не ко времени, а значит, и с уникальной судьбой [7]. Несомненно, «поэтиная» судьба – это уже что-то, выходящее из берегов принадлежности отдельному лицу. Судьба поэта носит интегрирующий характер: в любом историко-культурном контексте, в любую эпоху судьба поэтов будет сходна тем, что каждый из них противопоставлен своему окружению, ведь «им всё трудней быть иконой в размере оклада» [3].

Необходимо дать определение судьбе. Судьба – это стечение обстоятельств, «непостижимая предопределённость событий и поступков», сила извне [3]. С ней боролись, её отрицали, её подменяли другими понятиями, но она от этого не исчезала. Исходя из общеизвестного определения судьбы, мы видим противоречие: на судьбу поэта во многом действуют не силы извне, а силы, бьющие изнутри, его собственное мировосприятие. Фатум здесь не слеп и абстрактен, он заключён внутри самого поэта. Это и порождает сопротивление силам извне и противопоставленность. Следовательно, мы можем предположить, что судьба предопределена не до конца, и её характер определяется зачастую мироощущением самого поэта. Так, в своём эссе «Таблица умножения для молодых поэтов» В.Т. Шаламов прокламирует, что «пока кровь не выступает на строчках – поэта нет...» [4]. Но есть и другие примеры – сосредоточенность и творческое долголетие: Арсений Тарковский,

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Николай Тряпкин, Юрий Кузнецов. Это не значит, что у них в жизни было всё гладко. В конечном итоге мы видим, что фатальный трагизм и подчинение ему не обязательно сопряжены с пониманием поэтической судьбы. Это лишний раз подтверждает, что судьба определяется внутренней установкой самого поэта. И мы получаем то, что предрешённость судьбы зиждется на собственной установке, а противопоставленность свету всё же есть. Противопоставленность миру – это, на наш взгляд, та ключевая особенность, которую следует выделить в судьбе всякого поэта. Исходит из этой гипотезы закономерный вопрос: какова мера этой противопоставленности? Как мы уже знаем на примере сопоставления конфликта драматического и трагического жанров, противопоставление не всегда оборачивается неразрешимостью. Поэтому и поэтов можно очень условно разделить на «трагиков» и «драматизирующих».

Как мы считаем, наиболее чётко и рельефно противопоставленность и упомянутое трагическое мироощущение в своей мощи выражены именно в судьбе необыкновенно противоречивого и загадочного русского поэта М.Ю. Лермонтова. Ключевое слово всей жизни Лермонтова – слово «честь». Э.Г. Герштейн приводит такие слова Лермонтова: «В России следуют правилам чести» [1, с. 1]. И действительно, неукоснительное **осознанное соблюдение правил чести**, как неотъемлемой части души, **обязательно для Лермонтова**.

Если проанализировать первые строки стихотворения «Смерть поэта», то может показаться, что именно эта обязанность как раз и повлекла за собой смерть Пушкина:

Погиб поэт! – невольник чести

Свету, который позволяет себе с усмешкой клеветать «молвой», не свойственно понятие чести, именно то, что, по Лермонтову, отличает поэта от толпы. Именно она, честь, возведённая в абсолют, побуждает молодого, незнакомого с Пушкиным лично поэта написать пылающие строки. Как пишет

И.Л. Андроников, «обвинения по адресу света звучат только у Лермонтова» [5]. Толпа никогда не примет отличающегося от неё, но поэт, прекрасно понимающий сущность толпы, может выискать в себе общность со всеми и сжиться с окружением, поэтому мера противопоставленности разнится, всё же сохраняясь как качественная черта. **Но для Лермонтова компромисс невозможен**, так говорит ему собственное мироощущение, заставляющее вопреки всему петь об истинной пушкинской истории. И он не просто поёт, Лермонтов идёт от «скорби к гневу», как правильно подметил Б.М. Эйхенбаум в своей книге «Лермонтов» («Перед нами страстная речь оратора: речевые периоды, сменяя друг друга, образуют целую скалу голосовых тембров – от скорбного до гневного...») [6].

Несмотря на то, что Пушкин не был отшельником света (подтверждение этому можно легко найти в его биографии), он понимал, что общество его никогда не примет, как не поняло оно и его лирического героя:

*Кругом народ непосвящённый
Ему бессмысленно внимал.*

Это непонимание не воспринималось Пушкиным как непреодолимый трагизм, его печаль зачастую светла, любовь к жизни слышится в его лирике куда чаще, чем у Лермонтова:

Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать

Пушкин в свою очередь как раз был готов к диалогу, не отбрасывая мирское вовсе. Эти строки – квинтэссенция пушкинского отношения к жизни, он понимает, что в жизни будут не одни горести:

*И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья*

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

Но Лермонтов, в силу своего мироощущения, не откликается на такую позицию Пушкина, для него жизнь видится только неизбежным противостоянием, которое понимал и Пушкин. Для Лермонтова стих «порой опять гармонией упыюсь» просто невозможен, а радости мелькают сном. Поэтому отнюдь не риторические вопросы задает Лермонтов:

*Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?*

Примечателен тот факт, что Лермонтову было ясно и близко пушкинское восприятие света, как отравляющего человеческую душу, однако сам Михаил Юрьевич не понимал сущности Пушкина – его тяги к диалогу.

Стихотворение интересно тем, что представляет собой летопись последних дней Пушкина, воплощённую в лирической форме, пусть и не специально, а не только чистую лирику. Здесь открытое указание на события, которые происходили, и на участников. Это «иглы тайные» императора Палкина, обеспечившего Пушкину «свободную» жизнь. Это и те, кто «злобно гнали», – многочисленные потомки любимцев Екатерины II, при которой род Пушкиных впал в немилость, из-за того, что не поддержал переворот, и те, кто «раздували чуть затаившийся пожар», рассылая сплетни в анонимных письмах (очень тщательно разбирает данные исторические реалии и их отражение замечательнейший исследователь И.Л. Андроников в своей книге «Лермонтов. Исследования и находки»). Это, наконец, непосредственный убийца Пушкина – Дантес. Ему отведена в стихотворении большая роль. С одного угла зрения, лермонтовского, Дантес может представляться только тем яростно

ненавистным М.Ю. Лермонтову «искателем приключений» [2, с. 15].

С другой точки зрения, он не только непосредственный виновник смерти и орудие света. Это ни много, ни мало аллегорический образ современного Лермонтову света, так как Дантес не просто вторжение чужой культуры, которая презирает «земли чужой язык и нравы»; он уже отождествлён с великосветской стратой общества тех времён, что презирает уже земли своей язык и нравы. Дантес, как и толпа, «глух» и, издеваясь, не старается даже проявить этикетное уважение к чужим нравам, не говоря уже о том, чтобы понять и принять их. Достаточно бросить лишь мимолетный взгляд, чтобы увидеть, как Лермонтов рисует поэта с «гордой головой» и «славным челом», с душой, с бурлящей жаждой чувств, и как он изображает Дантеса: тот обладает гордостью без той особенной чести, которая так важна Лермонтову, ведь Жорж Дантес дерзостно отправился на «ловлю чинов» и только; убийца хладнокровен, даже сердце его (не душа!) пусто, а пустота эта прикрыта сверкающим смехом. Если расценивать фигуру Пушкина как аллегорию истинной «русскости», а фигуру Дантеса как аллегорию нравов предательского света, то можно выйти уже к проблеме столкновения культур и проблеме патриотизма.

Мы и сами понимаем, какой главной трагичной проблемы касается Лермонтов. И для него она трагична именно в своей неразрешимости. Общество и поэт вращаются вокруг проблемы понимания чести, поэтому в «Смерти поэта» призрачно видится вечное противостояние поэта, который «один как прежде» и огромного Молоха общественности в лице таких дантесов, заброшенных к нам, согласно Лермонтову, не иначе, как «по воле рока».

Итак, объективная противопоставленность поэта миру есть всегда, но её мера разная и во многом (но не полностью) зависит от отношения поэта к этому миру. Лермонтов относится к нему как чистый «трагик», и именно честь у Лермонтова станет тем внутренним фактором, что будет являться основой

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

противопоставленности миру, ведь в современном ему обществе реализация чести невозможна, что влечёт за собой трагедию. Лермонтов не видит возможность диалога между обществом и поэтом. Только поэтому он видит судьбу, даже не как судьбу, а как грозного палача, чей «приговор свершился». И ей не получится противостоять. В этом и заключается, как нам кажется, главная проблема трагической судьбы поэта по Лермонтову.

Список литературы

1. Герштейн, Э. Г. Судьба Лермонтова / Э. Г. Герштейн. – М. : Советский писатель, 1964. – 496 с.
2. Башлачев, А. Н. На жизнь поэтов [Электронный ресурс] : международный портал авторской песни / А. Н. Башлачев. – Режим доступа : <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=1141>.
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vedu.ru/bigencdic/60557/>.
4. Шаламов, В. Т. Таблица умножения для молодых поэтов [Электронный ресурс] : сайт о творчестве и жизни В. Т. Шаламова / В. Т. Шаламов. – Режим доступа : <http://shalamov.ru/library/21/1.html>.
5. Андроников, И. Л. Лермонтов. Исследования и находки [Электронный ресурс] / И. Л. Андроников. – 4-е изд. – М. : Художественная литература, 1977. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/and/and-001-.htm>.
6. Эйхенбаум, Б. М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки [Электронный ресурс] / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Государственное издательство, 1924. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/classics/critics/eixenbaum/eich24/eich24.htm>.
7. Гоголь, Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – Режим доступа : http://royallib.com/read/gogol_nikolay/vibrannie_mesta_iz_perepiski_s_druzyami.html#737280.